PG 3447
.Z5 Z65
1852
Copy 1

Zhukovskii

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

Class PGR 2746
Book B3

YUDIN COLLECTION

Bazarov, Ioann Ioannovich
Poslednie dni zhizni Zhukovskago

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ЖИЗНИ

ЖУКОВСКАГО.

Письмо изъ Стутгардта отъ 17/29 Апрѣля 1852.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

Въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1852.

PG3447
.Z5Z65
1852

(Изъ Журн. М. Н. Пр. 1852. Лит. Приб. № 1.)

ZL 6 Eb 73

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ЖИЗНИ ЖУКОВСКАГО.

Письмо къ Редактору Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія изъ Стутгардта отъ $^{17}/_{29}$ Апрѣля 1852 (*).

Конечно, печальная вѣсть о кончинѣ нашего маститаго Поэта Жуковскаго достигла и до васъ. Богъ судилъ мнѣ быть свидѣтелемъ его предпослѣднихъ минутъ: онѣ были такъ Христіански-назидательны, и такъ поэтически-высоки, что я считаю своимъ священнымъ долгомъ подѣлиться моими собственными впечатлѣніями, которыя я собралъ у смертнаго одра нашего Поэта-Христіанина, во-первыхъ, съ вами, а чрезъ васъ — и со многими другими, которые уважали въ Василіи Андреевичѣ его талантъ, его душу, его многополезную жизнь.

(*) Съ искреннею признательностію къ нашему почтенному корреспонденту, Отцу Іоанну Базарову, помѣщаемъ это письмо, котораго достоинство и важность говорятъ сами за себя. Прибавимъ для читателей нашихъ, что В. А. Жуковскій и самъ нѣкогда подарилъ нашъ Журналъ трогательнымъ воспоминаніемъ, о послѣднихъ же дняхъ знаменитаго друга своего — Н. М. Карамзина (См. *Ж. М. Н. Пр.* 1835. Генв. и *Сочин. Жуковскаго* изд. 1835 г. Т. VII. стр. 262). *Прим. Ред.*

Еще въ началѣ Великаго Поста я получилъ приглашеніе отъ В. А. Жуковскаго пріѣхать къ нему на шестой недѣлѣ для пріобщенія его съ дѣтьми Св. Таинъ, такъ какъ болѣзнь его глаза не позволяла ему самому выѣхать изъ Бадена. Но въ то время, какъ я собирался уже отправиться къ нему, я получаю отъ него письмо, въ которомъ онъ писалъ ко мнѣ: «Обстоятельства, которыхъ я не ожидалъ, и которыхъ мнѣ перемѣнить не льзя, принуждаютъ меня обратиться къ вамъ и просить васъ перемѣнить наше распоряженіе на счетъ пріѣзда вашего къ намъ въ Баденъ. Не можете ли вы пріѣхать въ Понедѣльникъ на Ѳоминой недѣлѣ и пробыть до Четверга, въ который день я могъ бы причаститься Св. Таинъ вмѣстѣ съ моими дѣтьми»? Добрый старецъ, пиша эти строки, не зналъ того, что это распоряженіе было свыше отъ премудрой воли Божіей, предназначавшей ему вкусить эту послѣднюю радость земной Вѣры Христіанина за два дня предъ переходомъ его въ вѣчную жизнь, гдѣ онъ долженъ былъ «истѣе причаститися въ невечернемъ дни Царствія Христова».

7/19 Апрѣля, въ Понедѣльникъ Ѳоминой недѣли, я прибылъ въ Баденъ-Баденъ, и нашелъ Василія Андреевича въ постелѣ очень больнымъ. Домашніе его всѣ были погружены въ печаль; какое-то мрачное предчувствіе лежало безотчетно на сердцахъ всѣхъ. Супруга его напередъ предварила меня, что онъ раздумываетъ теперь принять Св. Тайны, надѣясь въ Петровскій постъ исполнить это святое дѣло со всѣмъ благоговѣніемъ и разсчитывая особенно на радость, ожидавшую его тогда въ семейномъ кругу. Въ этотъ день, такъ какъ уже было довольно поздно, я не могъ его видѣть.

На другой день, въ 11 часу утра я вошелъ къ нему въ спальню. Его первыя слова были: «Ну, теперь нечего дѣлать, надо отложить. Вы видите, въ какомъ я положеніи.... совсѣмъ разбитый... въ головѣ не клеится ни одна мысль.... какъ же такимъ явиться передъ Нимъ»? Произнося эти слова, онъ постоянно хваталъ себя за голову, какъ будто дѣйствительно его мысли не клеились въ ней. Выслушавъ его, я отвѣчалъ: «Но что бы вы сказали теперь, если бы Самъ Господь захотѣлъ притти къ вамъ? развѣ отвѣчали бы Ему, что васъ нѣтъ дома»? Вмѣсто отвѣта онъ заплакалъ. «Въ Святомъ Таинствѣ, продолжалъ я, надобно различать двѣ стороны: разъ человѣкъ приходитъ къ І. Христу, ища покаянною душею примиренія съ Нимъ; въ другой разъ Онъ самъ приходитъ къ человѣку и требуетъ только отворить Ему двери сердца». «Такъ приведите мнѣ Его, этого Святаго Гостя», проговорилъ онъ сквозь слезы. Подошла его супруга. Онъ взялъ ее за руку и значительно, съ разстановкою говорилъ ей: «вотъ онъ (указывая на меня), какъ полномочный отъ Бога, хочетъ привести ко мнѣ Господа, ко мнѣ недостойному. Какъ я буду счастливъ имѣть Его въ себѣ»! Я обѣщалъ на другой день приготовить его дѣтей исповѣдію и причастить ихъ вмѣстѣ съ нимъ у его кровати. Здѣсь онъ началъ мнѣ говорить, какъ онъ старался учить дѣтей своихъ по изобрѣтеннымъ имъ самимъ таблицамъ. Потребовалъ самыя таблицы; но руки его были слабы; напряженіе мысли затрудняло его. Я успѣлъ уговорить его оставить это до будущаго времени. «Да» — говорилъ онъ — «вы должны будете пріѣхать ко мнѣ. Мнѣ очень нужно видѣть васъ у себя недѣли двѣ-три». Въ это время вошла снова его супруга, и стала его упрашивать, чтобы онъ успокоился и не гово-

рилъ такъ много. Но онъ съ примѣтною досадою отвѣчалъ: «Ахъ, мой другъ, что ты такъ заботишься объ этомъ (указывая на тѣло свое) бренномъ трупѣ? душа наша важнѣе всего». Однако я поспѣшилъ его оставить, и, освѣдомившись вечеромъ, узналъ, что онъ былъ потомъ въ бреду и забытьи.

9/21 Апрѣля, въ Среду, послѣ исповѣди дѣтей, я являюсь къ нему, чтобы приготовить его къ принятію Св. Таинъ. Онъ встрѣтилъ меня словами: «Вчера меня мучила мысль; какъ чудовище, не хочетъ отойти отъ моей кровати; точно дубиной разбиваетъ душу. Это — дьявольское искушеніе, idée fixe, которая насъ сводитъ съ ума, — мысль: что̀ будетъ съ дѣтьми моими, съ женою моею послѣ меня»! Я напомнилъ ему вѣру въ Промыслъ Божій, милости къ нему Государя, его заслуги Престолу и Отечеству. «Да» — отвѣчалъ онъ — «это убѣжденіе есть. — Слезы докончили его исповѣдь. «Жизнь, все жизнь» — продолжалъ онъ какъ бы про себя — «исполненная пустоты». Наконецъ я ввелъ къ нему дѣтей его. Онъ вмѣстѣ съ ними прочиталъ Молитву Господню и исповѣданіе предъ Причащеніемъ. Причастились дѣти, принялъ и онъ причащеніе. Тотчасъ же въ немъ замѣтна стала перемѣна. Онъ умилился, подозвалъ дѣтей, и сквозь слезы сталъ говорить имъ: «Дѣти мои, дѣти! вотъ Богъ былъ съ нами! Онъ Самъ пришелъ къ намъ! Онъ въ насъ теперь! радуйтесь, мои милые»! Онъ очень былъ встревоженъ умиленіемъ; я поспѣшилъ его оставить; за тѣмъ онъ уснулъ спокойно.

10/22 Апрѣля, въ Четвергъ, по утру, я вошелъ къ нему, и на вопросъ мой о его здоровьи онъ отвѣчалъ: «Вчера и сегодня мнѣ легко на душѣ. Это блаженство принять въ

себѣ Бога, сдѣлаться членомъ Бого-семейства... мысль радостная, блаженная! Но не станемъ ею восхищаться. Это не игрушка! Она должна оставаться, какъ сокровище, въ насъ». Потомъ онъ просилъ меня пріѣхать къ нему въ Іюнѣ или даже Маѣ. Я обѣщался пріѣхать, какъ можно скорѣе. Спустя нѣсколько часовъ, я еще разъ зашелъ къ нему. «Вы на пути» — сказалъ онъ мнѣ — «Какое счастье итти, куда захочешь, ѣхать, куда надо. Не умѣешь цѣнить этого счастья, когда оно есть; понимаешь его только тогда, когда нѣтъ его. Мнѣ бы хотѣлось (продолжалъ онъ) чтобы вы знали, что̀ послѣ меня останется. Я написалъ Поэму; она еще не кончена; я писалъ ее, слѣпой, нынѣшнюю зиму. Это — «Странствующій Жидъ» — въ Христіанскомъ смыслѣ. Въ ней заключены послѣднія мысли моей жизни. Это моя лебединая пѣснь. Я бы хотѣлъ, чтобы она вышла въ свѣтъ послѣ меня. Пусть она пойдетъ въ казну дѣтей моихъ. Я начиналъ-было переводить ее, диктуя самъ, по Нѣмецки. Но Кернеръ берется перевести ее по Нѣмецки въ стихахъ. Пусть его передѣлываетъ по-своему, пусть прибавляетъ, — но мысль мою онъ пойметъ.... Я бы желалъ, чтобы вы знали и мою методу ученія по таблицамъ. Я испробовалъ ее надъ дѣтьми моими. Воображеніе ихъ такъ сильно было приковано къ событію, что они плакали, когда я разсказывалъ имъ послѣднюю вечерю Господа, его Геѳсиманскую молитву. Но вы пріѣдете ко мнѣ, и тогда я покажу вамъ эту методу въ подробности».

Передъ самымъ отъѣздомъ моимъ онъ еще разъ прислалъ за мною. Я вошелъ. Онъ въ одной рукѣ держалъ листъ бумаги, въ другой карандашъ. «Я хочу писать къ Государю», говорилъ онъ, обратясь ко мнѣ» — «Василій

(позвалъ онъ человѣка) Мы съ тобою будемъ работать ночью. Теперь еще рано. Который часъ»?— Три часа, отвѣчали ему. «Какъ идетъ время»! Потомъ, обратившись ко мнѣ, онъ началъ говорить: «Я смерти не боюсь. Я готовъ схоронить жену, дѣтей. Я знаю, что я ихъ отдалъ Богу. Но думать, что ты самъ уходишь, а ихъ оставляешь чувствовать одиночество— вотъ что больно»! Потомъ, помолчавъ, продолжалъ: «но зачѣмъ я задерживаю васъ такими скучными мыслями! Мнѣ надо устроить дѣла мои. У меня все разбросано, въ безпорядкѣ. Вѣрно оставить все женѣ привести въ порядокъ. Мнѣ ужъ не льзя; вы видите, въ какомъ я положеніи»! При прощаньи онъ пожалъ мнѣ руку и сказалъ: «Прощайте!... Богъ знаетъ, увидимся ли еще». Я было возразилъ противъ этого надеждою; но онъ отвѣчалъ: «Ахъ! какъ часто и я отходилъ такъ отъ одра друзей моихъ, и уже больше ихъ не видалъ!... Богъ съ вами, Богъ съ вами! Благодарю васъ за эти три дня, въ которые вы мнѣ принесли столько радости». Я вышелъ.

$^{12}/_{24}$ Апрѣля я былъ въ Карлсруэ у П. П. Озерова. По причащеніи дѣтей его, я готовился уже отправиться обратно въ Стутгардтъ, какъ приходитъ извѣстіе, что В. А. Жуковскій скончался въ ночь съ Пятницы на Субботу въ 1 ч. и 37 минутъ по полуночи. Въ слѣдъ за тѣмъ получилъ и я письмо отъ человѣка, находившагося неотлучно при покойникѣ до самой послѣдней минуты. Онъ извѣщалъ меня, что еще въ Пятницу вечеромъ никто не могъ думать, что нашъ почтенный старецъ такъ скоро кончитъ жизнь свою. Въ часъ по полудни мы отправились вмѣстѣ съ Г. Озеровымъ въ Баденъ; съ нами вмѣстѣ прибылъ изъ Франкфурта и старикъ Рейтернъ, безрукій воинъ Русской службы, которому не суждено было принять послѣд-

ній вздохъ своего друга и зятя. Вошедъ въ комнату, гдѣ лежалъ представльшійся еще въ кровати, обставленный кругомъ цвѣтами и обвитый большою гирляндою изъ неувядаемой зелени, я думалъ видѣть болѣе усталаго пѣвца, тихимъ сномъ покоившагося на лаврахъ, нежели обыкновеннаго мертвеца. Кротость и спокойствіе, сіявшія на лицѣ его, ясно свидѣтельствовали о той тихой кончинѣ, какую ему послалъ Богъ. Изъ разсказовъ того же человѣка я узналъ, что онъ съ Пятницы на Субботу къ вечеру былъ больше въ забытьи; однако узнавалъ и жену и дѣтей своихъ; къ ночи же уснулъ, и спалъ самымъ покойнымъ сномъ, пока въ половинѣ втораго часа по полуночи два послѣдніе вздоха, отличавшіеся отъ обыкновеннаго дыханія спящаго человѣка только тѣмъ, что они слѣдовали рѣже одинъ за другимъ, не окончили его тѣлеснаго существованія на землѣ...

Мы начали литію. Продолженіе пасхальнаго попраздства какъ не льзя лучше шло къ настоящему случаю; и, когда я, стоя лицемъ къ лицу умершаго, возгласилъ: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ»,— то мнѣ казалось, что онъ самъ еще внимаетъ сему торжественному гимну сквозь охладѣвшія черты еще жившаго выраженіемъ лица своего. Признаюсь, никогда еще и мнѣ самому не доводилось чувствовать всю великость истины, заключавшейся въ этой торжественной пѣсни воскресенія, какъ въ эту минуту, надъ бреннымъ остаткомъ человѣка, котораго душа была глубоко проникнута живою вѣрою въ Іисуса Христа!....

Послѣ службы, супруга Жуковскаго еще разъ съ восторгомъ вспомнила о той святой радости, которой онъ

былъ исполненъ послѣ причащенія Св. Таинъ. «Развѣ вы не знаете, говорила она мнѣ, что съ нимъ было чудо? Онъ мнѣ самъ говорилъ, что видѣлъ Іисуса Христа, Который явился ему въ тѣлесномъ видѣ». Я понялъ вполнѣ это видѣніе, ибо былъ свидѣтелемъ его сердечнаго восторга по принятіи Св. Таинъ.

Рѣдко можно встрѣтить подобнаго человѣка, который бы такъ безбоязненно смотрѣлъ въ глаза смерти, какъ смотрѣлъ на нее нашъ Поэтъ-Христіанинъ и Христіанинъ-Философъ Жуковскій. Съ самаго перваго дня своей болѣзни, которая серьезно началась съ $^{1}/_{13}$ Апрѣля, онъ уже сталъ помышлять о переходѣ въ другой міръ. Еще за три недѣли до своей смерти, въ кругу друзей своихъ, разсуждалъ онъ о блаженствѣ соединенія съ Богомъ чрезъ І. Христа, ожидающимъ Христіанина за гробомъ. Съ ними же окончательно обсудилъ онъ и будущность своего семейства, вскорѣ долженствовавшаго осиротѣть. Какъ спокойно обдумывалъ онъ свою кончину, видно особенно изъ одного завѣщанія его своему человѣку. «Василій» — говорилъ онъ ему, уже лежа въ постелѣ: «ты, когда я умру, положи мнѣ сейчасъ же на глаза по гульдену и подвяжи ротъ; я не хочу, чтобы меня боялись мертваго». Въ такихъ простыхъ словахъ кто не увидитъ выраженія того добродущія, которое было постояннымъ характеромъ его при жизни, и которое не слетѣло съ лица его и послѣ того, какъ душа оставила его тѣло?

$^{14}/_{26}$ Апрѣля мы собрались всѣ вокругъ тѣла покойнаго. Ея Императорское Высочество Государыня Великая Княгиня Ольга Николаевна, по первому телеграфическому извѣстію въ Стутгардтъ о кончинѣ столь-

ко уважаемаго старца, отправила въ Баденъ своего Секретаря Н. Ѳ. Аделунга для выраженія своего соболѣзнованія осиротѣвшему семейству, и своихъ пѣвчихъ для отпѣванія тѣла покойнаго. Пріѣхали также изъ Стутгардта Кн. Щербатовъ и Н. М. Докучаевъ, изъ Карлсруэ П. П. Озеровъ; собрались и всѣ Русскіе, находившіеся въ это время въ Баденѣ. Здѣсь передъ отпѣваніемъ мы еще разъ собрались въ кругу семейномъ: вдова Жуковскаго, безрукій Рейтернъ, тесть покойнаго, съ своею супругою, Г-жа Сидовъ и я. Каждому изъ насъ равно дороги были послѣднія слова Жуковскаго, но для всѣхъ вмѣстѣ самое большое утѣшеніе доставляла мысль о его истинно-Христіанской кончинѣ. Такъ Г-жа Жуковская разсказала намъ, что наканунѣ смерти своей въ Пятницу онъ увѣрялъ ее еще разъ, что онъ видѣлъ І. Христа. «Да, другъ мой» — говорилъ онъ ей — «это было не видѣніе; я видѣлъ Его тѣлеснымъ образомъ; я видѣлъ Его, какъ Онъ стоялъ сзади дѣтей моихъ въ то время, какъ они пріобщались Св. Таинъ. Онъ будетъ съ ними. Онъ мнѣ Самъ сказалъ это». Послѣ подошла къ нему Г-жа Сидовъ, и онъ, взглянувъ на нее, сказалъ: «Скажите мнѣ, какія мощи на васъ? Нѣтъ, я серьезно спрашиваю васъ, есть ли на васъ мощи»? Она дѣйствительно имѣла на себѣ крестъ съ частію древа Господня; но, по собственному ея признанію мнѣ, никто не зналъ о томъ, кромѣ ея самой. Она вынула этотъ крестъ, и дала ему облобызать оный, что̀ онъ и сдѣлалъ съ большимъ благоговѣніемъ. Въ Пятницу же поздно вечеромъ онъ подзываетъ къ себѣ маленькую дочь свою, Сашу, и говоритъ ей: «Поди, скажи матери: я теперь нахожусь въ ковчегѣ, и высылаю перваго голубя — это моя вѣра, другой голубь мой — это терпѣніе». Уже поздно вечеромъ, когда онъ на-

ходился въ забытьи и съ трудомъ узнавалъ своихъ, онъ замѣтилъ подлѣ себя тещу свою, и говоритъ ей: «Теперь остается только матеріальная борьба; душа уже готова»! И это было послѣднее слово Жуковскаго, который, какъ зрѣлый плодъ, былъ бережно снятъ Десницею Божіею съ древа земной жизни его...

Въ Понедѣльникъ $^{14}/_{26}$ Апрѣля, въ 4 часа, мы совершили отпѣваніе надъ тѣломъ усопшаго при многочисленномъ стеченіи народа. Потомъ вынесли гробъ, и въ 6 часу тронулся съ мѣста погребальный поѣздъ. По городу гробъ несли на рукахъ; впереди шли пѣвчіе съ пѣніемъ: «Святый Боже!», и несли на пяти подушкахъ 30 орденовъ и знаковъ отличій, Русскихъ и иностранныхъ; я шелъ въ полномъ облаченіи, а за мной слѣдовалъ Римскокатолическій Деканъ города Бадена въ своей духовной формѣ — почесть, исключительно оказанная памяти Жуковскаго, имя котораго давно уже извѣстно стало и въ Германіи. Его похоронили на загородномъ Баденскомъ кладбищѣ въ склепѣ. Останется ли тѣло его тамъ, или будетъ перенесено куда въ другое мѣсто, — но во всякомъ случаѣ и это временное мѣсто погребенія великаго Поэта Русскаго будетъ увѣковѣчено памятникомъ, и вѣрно всякій Русскій, бывающій въ Баденѣ, посѣтитъ это мѣсто, и съ благоговѣніемъ прочтетъ: «здѣсь было погребено тѣло Жуковскаго».

Сколько я могъ узнать, послѣ смерти В. А. Жуковскаго осталось довольно сочиненій. Такъ, кромѣ его Поэмы: «Странствующій Жидъ», осталась еще одна пѣснь Иліады (*) и много мелкихъ произведеній, большею частію

(*) Изъ собственныхъ писемъ В. А. Жуковскаго, полученныхъ здѣсь, видно, что онъ перевелъ три пѣсни Иліады. *Прим. Ред.*

въ прозѣ. О «Странствующемъ Жидѣ» я съ любопытствомъ разспрашивалъ у писца, которому Жуковскій диктовалъ эту Поэму, и узналъ отъ него, что въ этой Поэмѣ покойный Василій Андреевичь, взявъ за основаніе извѣстную легенду о *вѣчномъ Жидѣ*, изобразилъ всю чудную Исторію народа Еврейскаго со времени его отверженія Богомъ до послѣдней судьбы его, открытой въ Апокалипсисѣ. Судя по нѣкоторымъ тирадамъ, которыя писецъ его могъ запомнить, это должно быть чудное произведеніе созрѣвшаго, но никогда не состарѣвшаго генія Жуковскаго. Можно себѣ представить все величіе картинъ, когда знаешь, что онъ ведетъ своего странника по всѣмъ вѣкамъ, бросаетъ его во всѣ страшные міровые перевороты, въ которыхъ погибали цѣлыя племена и народы, и оставался одинъ только онъ, все съ тою же печатію отверженія на лицѣ, все съ тѣми же не изнашиваемыми одѣяніями на тѣлѣ, все съ тою же грустію въ сердцѣ о неизбѣжномъ мученіи на землѣ. Наконецъ нашъ безсмертный Поэтъ приводитъ его на островъ Патмосъ, гдѣ онъ встрѣчаетъ старца Іоанна, который открываетъ ему послѣднюю судьбу его. По разсказамъ писца, Жуковскій писалъ эту часть почти словами Апокалипсиса, перелагая ихъ только въ свой классическій гекзаметръ. Къ сожалѣнію, эта великая Поэма не докончена. Но и это, конечно, не безъ особаго Промысла Божія: ибо если Ему угодно было внушить своему избранному пѣвцу такое высокое вдохновеніе, — а въ этомъ мы не смѣемъ сомнѣваться, — то Его же премудрости прилично было и остановить трость книжника скорописца на томъ предѣлѣ, далѣе котораго еще не возносилось вѣдѣніе человѣка, озаренное даже Духомъ Святымъ.

На счетъ перевода Иліады В. А. Жуковскій еще за полтора года передъ симъ сообщилъ мнѣ подъ секретомъ, что онъ имѣетъ мысль перевести и Иліаду, какъ онъ переводилъ Одиссею. «Для этого»— говорилъ онъ— «я беру въ руки Гнѣдича, прочитаю изъ него страницу или двѣ, потомъ прочитаю то же самое по Нѣмецки, и за тѣмъ начинаю писать самъ по чутью, съ какимъ я переводилъ и Одиссею. Выходитъ иногда, что мой стихъ сходится отъ слова до слова съ стихомъ Гнѣдича, и тогда я замѣчаю, что это все-таки стихъ *мой;* а въ другой разъ я и поправляю свой переводъ по Гнѣдичу, и тогда тутъ же дѣлаю выноску, что это не мой стихъ. Но (прибавилъ онъ) вы пока не говорите объ этомъ никому».

Въ 1850 году я былъ тоже въ Баденѣ по дѣлу, и оставался тамъ нѣсколько дней. Пользуясь этимъ временемъ, Василій Андреевичь просилъ меня просмотрѣть нѣкоторыя, написанныя имъ, статейки религіознаго содержанія. «Я хочу»— говорилъ онъ мнѣ— «попробовать, не льзя ли сдѣлаться Философомъ, не учившись Философіи, а только зная одно Священное Писаніе. Но какъ я Догматики не учился, то вы посмотрите хорошенько, не сдѣлалъ ли я какой ошибки противъ догматовъ. Можно хорошо понимать Христіанство; но мы живемъ въ Церкви, и безъ Церкви жить не можемъ. Человѣку нужна власть; надобно, чтобы надъ нимъ былъ авторитетъ, который бы всегда имѣлъ право сказать ему: ты заблуждаешься. Что̀ сталось съ Протестантствомъ послѣ того, какъ Лютеръ отвергъ Церковь? Церковь его была тогда и больна и развращена; да онъ, возставъ противъ злоупотребленій, дѣйствовалъ такъ, что подрывалъ самыя основанія Церкви. И вотъ теперь въ Германіи смотрите, что̀ дѣлается въ Протестантствѣ. Что̀ такое Цер-

ковь? Это кругъ, въ которомъ можешь обращаться, сколько хочешь, съ твоимъ разумомъ; но не выходи за предѣлы этого круга. А внѣ Церкви что? Безграничная пустота, просторъ для блуждающихся». Эти мысли были любимою темою его частыхъ собесѣдованій со мною. Христіанство было для него всегдашнимъ предметомъ глубокихъ изученій.

Въ заключеніе я не могу не вспомнить теперь и съ своей стороны о какомъ-то предчувствіи близкой потери для Россіи ея заслуженнаго Поэта. Это было въ Февралѣ нынѣшняго года. Василій Андреевичь прислалъ мнѣ маленькое собраніе своихъ стихотвореній, всего на восьми печатныхъ осьмушкахъ, посвященныхъ имъ своимъ дѣтямъ: Павлу Васильевичу и Александрѣ Васильевнѣ Жуковскимъ. Въ этой брошюркѣ было всего шесть стихотвореній, изъ которыхъ первыя два: *Птичка* и *Котикъ усатый*, сложены имъ для перваго ученія дѣтей своихъ Русскому произношенію. Но надобно было, чтобы получивши эту книжку, я развернулъ ее на пятомъ стихотвореніи: *Царскосельскій Лебедь*.(1) Это была уже не дѣтская басня, но какое-то таинственное описаніе прежде знакомаго лебедя, который жилъ, былъ молодъ, состарѣлся въ одиночествѣ, пропѣлъ свою лебединую пѣснь,

А когда допѣлъ онъ — на небо взглянувши,
И крылами сильно дряхлыми взмахнувши,
Къ небу, какъ во время оное бывало,
Онъ съ земли рванулся..... и его не стало
Въ высотѣ.... и навзничь съ высоты упалъ онъ;
И прекрасенъ мертвый на хребтѣ лежалъ онъ,
Широко раскинувъ крылья, какъ летящій,
Въ небеса вперяя взоръ ужь не горящій.

(1) см. Москв. 1852 г. № 10 и 11 [illegible]
[illegible]

Прочитавъ это стихотвореніе, и перевернувъ страницу, на которой послѣдній (VI) номеръ составлялъ: *Боже, Царя храни!* я невольно подумалъ: неужели это въ самомъ дѣлѣ предчувствіе скорой кончины его самаго, такъ поэтически изображенной въ этихъ послѣднихъ строкахъ? Какъ бы то ни было, но послѣ, когда я стоялъ надъ бездыханнымъ тѣломъ Жуковскаго, мнѣ невольно вторились его три послѣдніе стиха:

И прекрасенъ мертвый на хребтѣ лежалъ онъ,
Широко раскинувъ крылья, какъ летящій,
Въ небеса вперяя взоръ ужь негорящій....

СВЯЩЕННИКЪ ІОАННЪ БАЗАРОВЪ.

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066

LIBRARY OF CONGRESS
00023292750

8/7/12
20
posl.ednie dni zhi 00 bazo
0002323275 0 6